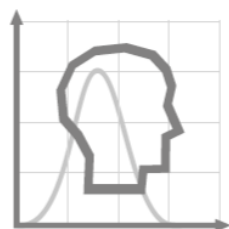

Российская академия наук
Институт психологии

НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ответственные редакторы

А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко

Москва
Издательство
«Институт психологии РАН»
2026

УДК
ББК
П

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Ответственные редакторы:
А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор З.И. Рябикина
доктор психологических наук, член-корреспондент РАН А.В. Юревич

П Научные теории современной отечественной психологии / А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко [и др.]; отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2026. — с.
ISBN

В коллективной монографии представлены современные отечественные теории психологии, а также теории, вошедшие в историю психологии, но востребованные и в настоящее время. Главы сгруппированы в пять разделов: методологические проблемы психологических теорий, общепсихологические теории, теории мышления и творчества, социально-психологические теории и история психологических теорий. Вводная глава посвящена методологическому анализу представленных теорий. Поставлена задача проанализировать современные теории на предмет наличия у них признаков научных теорий, изучить их методологические характеристики, а также определить, насколько в них реализованы общие принципы современной науки. Большинство представленных теорий соответствуют выделенным теоретическим признакам. Показано существенное уменьшение разрыва между естественно-научными и гуманитарными теориями, отражающими общенаучные принципы современной науки.

Коллектив авторов

© Институт психологии РАН, 2026

ISBN

Коллектив авторов:

Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев (**вводная глава**); А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, Е. Н. Ивахненко, А. М. Черноризов (**глава 1**); А. А. Костригин (**глава 2**); В. А. Мазилев (**глава 3**); Н. Е. Харламенкова (**глава 4**); И. Н. Семенов (**глава 5**); Е. А. Сергиенко (**глава 6**); Л. Я. Дорфман, Б. А. Вяткин (**глава 7**); Т. В. Корнилова (**глава 8**); И. Г. Скотникова (**глава 9**); Г. А. Виленская, Е. А. Сергиенко (**глава 10**); А. О. Прохоров (**глава 11**); А. В. Махнач (**глава 12**); В. Н. Носуленко (**глава 13**); В. А. Иванников (**глава 14**); Н. Д. Павлова (**глава 15**); Л. М. Попов, П. Н. Устин (**глава 16**); М. А. Холодная (**глава 17**); В. В. Знаков (**глава 18**); В. В. Селиванов (**глава 19**); И. Ю. Владимиров, С. Ю. Коровкин (**глава 20**); А. А. Матюшкина (**глава 21**); О. А. Артемьева (**глава 22**); В. П. Позняков (**главы 23, 24**); А. А. Грачев (**главы 25, 26**); В. А. Лабунская (**глава 27**); В. Ю. Слабинский (**глава 28**); Г. Л. Исурина, Э. Б. Карпова, А. Л. Журавлев (**глава 29**); И. А. Мироненко (**глава 30**); Л. Г. Почебут, А. Л. Журавлев (**глава 31**); А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко (**глава 32**); С. Ф. Сергеев (**глава 33**); Н. Ю. Слепко (**глава 34**).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная глава. Отечественные психологические теории:
методологические основания и перспективы

Раздел 1.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Глава 1. Эволюционные истоки самостановления
индивидуальности человека:
жизнь как преодоление равновесия

Глава 2. Разработка психологических теорий в советской науке:
историко-методологический анализ

Глава 3. Психологические теории:
проблема взаимосвязи теории и метода

Глава 4. Проблема конструирования теории
в современной психологии
(на примере теории личности)

Раздел 2.

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Глава 5. Психологическая теория
субъекта К. А. Абульхановой

Глава 6. Концепция субъектогенеза

Глава 7. Теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина.
Пермская школа и современность

- Глава 8. Концепция множественного опосредствования
принятия решений динамическими
регулятивными системами
- Глава 9. Теоретические основания субъектной психофизики
и исследований принятия решения
- Глава 10. Концепция контроля поведения
- Глава 11. Психическое состояние:
концептуальная платформа
- Глава 12. Психологическая концепция
жизнеспособности человека
- Глава 13. Концепция воспринимаемого качества
- Глава 14. Понятия воли и волевой регуляции
в психологии
- Глава 15. Психология дискурса: общие положения
и интенциональные аспекты
- Глава 16. Когнитивно-поведенческая концепция
психологии человека

Раздел 3.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

- Глава 17. Структурно-интегративная теория
понятийного мышления
- Глава 18. Теоретические основания психологии
возможностного мышления
- Глава 19. Субъектно-процессуальная
теория мышления
- Глава 20. Теории инсайта: столетие поисков механизмов
творческого решения
- Глава 21. Теория проблемных ситуаций А.М. Матюшкина
в контексте изучения творчества

Раздел 4.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Глава 22. Субъектно-уровневая теория социальной детерминации развития психологической науки

Глава 23. Концепция совместной деятельности и ее коллективного субъекта А.Л. Журавлева. История разработки и основные положения

Глава 24. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности

Глава 25. Психологическая теория управленческого взаимодействия А.Л. Журавлева: прикладная теория с фундаментальными основаниями

Глава 26. Концепция жизнедеятельности человека в производственной организации: основания психологического проектирования

Глава 27. Теоретические подходы и направления исследований в психологии внешнего облика

Раздел 5.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Глава 28. Уровневая теория личности А.Ф. Лазурского: через призму времени

Глава 29. Психология отношений В.Н. Мясищева: теория и практика

Глава 30. Психологическая теория индивидуальности Б.Г. Ананьева

Глава 31. Социально-психологическая теория Е.С. Кузьмина

Глава 32. Общая социально-психологическая теория Б.Д. Парыгина

Глава 33. Психологическая теория
деятельности Г.В. Суходольского

Глава 34. Психологическая теория профессиональной
деятельности В.Д. Шадрикова

Литература

Аннотации

Сведения об авторах

РАЗДЕЛ 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Глава 1.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОКИ САМОСТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ЖИЗНЬ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ РАВНОВЕСИЯ

Все мертвое плывет по течению,
против течения плывет только живое.

Г.К. Честертон

Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что внимание самых пытливых умов человечества издревле привлекали два феномена — феномен Человека и феномен Жизни.

В этой статье мы попытаемся показать, что различные течения в психологии личности (будь то персонология, аналитическая или экзистенциальная психология и т.д.), ставящие во главу угла вопрос о выходе человека за пределы своего Я, незримо связаны с науками о жизни.

Как только мы обращаемся к такому поразительному явлению, как «жизнь», то, прежде всего, необходимо подчеркнуть коренное различие между живыми и неживыми системами. По утверждению Грегори Бейтсона — одного из выдающихся мыслителей XX в. оно состоит в следующем. Организмы всегда активны, а физические объекты — реактивны. (Бейтсон, 2007). Очевидным свидетельством такого разграничения является неоспоримый факт контраста условий равновесия физических и биологических структур. Физическое равновесие понимается как инертное состояние системы, которое достигается тогда, когда действующие на нее внешние силы полностью выравниваются. Эквивалентом физического равновесия в биологии и психологии является феномен гомеостаза. Напомним, что в самом общем смысле гомеостаз означает поддержание постоянства живой системы путем компенсации внешних возмущений собственными усилиями этой системы. Таким образом, *даже в состоянии покоя физическая система подчиняется внешним влияниям, а живая — активно им противодействует*. «Активное поддержание... специфической структуры и есть то, что мы называем жизнью; понять сущность этого процесса — значит понять, что такое жизнь». Таково мнение одного из основоположников популяционной генетики и философа науки Джона Холдейна (цит. по: Уоддингтон, 1970, с. 11).

Огромное значение для постижения «секрета жизни» имеют, прежде всего, классические работы Людвиг Берталанфи, Ильи Пригожина и Эрвина Бауэра. Л. Берталанфи — создатель общей теории систем — подчеркивает коренное расхождение между физическими и биологическими системами, определяя живые структуры как открытые целостности, существующие исключительно вдали от равновесия при постоянном взаимодействии с внешней средой (Берталанфи, 1969). Труды И. Пригожина и его коллег создана новая отрасль науки — термодинамика открытых и далеко удаленных от равновесия структур, способных к самоорганизации и развитию (Николис, Пригожин, 1979). Э. Бауэр — один из основателей теоретической биологии — связал устойчивое неравновесие живого с нередуцируемым запасом энергии, за счет которой организмы постоянно выполняют работу, направленную на преодоление спонтанного стремления к равновесию, и сами себя удерживают в неестественном с точки зрения классической физики положении (Бауэр, 1935). Иначе говоря, жизнь — это феномен, «обреченный» на активное противодействие навязываемому извне*.

Если система удалена от равновесия, то ее переменные подчиняются не линейным и однозначным, а более сложным нелинейным закономерностям. И одним из первых физиологов, осознавших важность этого факта, был выдающийся физиолог Алексей Ухтомский. Он обратил внимание на то, что именно нелинейные зависимости, допускающие множественные решения, заложены в самой природе живых систем. Более того, А. А. Ухтомский доказал, что поведение живого существа зависит не столько от внешних воздействий, сколько от его собственной доминирующей направленности. И именно А. А. Ухтомскому принадлежит глубокая идея: *природа наша делаема* (Ухтомский, 1966).

Ключевой характеристикой динамических систем, способных переходить в новые состояния через собственное функционирование, является *самоорганизация* (Сергиенко, 2000). Развитие идей самоорганизации живых систем в отечественной биологии связано, в первую очередь, с учением о физиологии активности Николая Бернштейна и теорией функциональных систем Петра Анохина**. Несомненным новаторством обоих исследователей является следующее. Если родоначальники кибернетики Норберт Винер и Уильям Эшби*** связывали управление системой с учетом *реального*, а не *ожидаемого* поведения, то и Николай Бернштейн, и Петр Анохин пошли дальше. Они соотнесли нелинейность и динамичность самоорганизации организма с его новыми функциями, направ-

* Важным свидетельством активного участия организма в своей судьбе является его собственная эндогенная активность, т. е. активность, предшествующая информационным поводам и ответному поведению (Соколов и др., 1975; Дьяконова, Сахаров, 2019).

** Углубленный анализ сходств и различий воззрений П. К. Анохина и Н. А. Бернштейна проведен Д. А. Леонтьевым (2011).

*** Н. Виннер ввел понятие обратной связи, обеспечивающей динамичную и корректирующую передачу сведений об итоге выполнения некоторого процесса к его источнику (Winer, 1948). Закон необходимого разнообразия У. Эшби гласит: чтобы управление системой было возможно, разнообразие вариантов ее состояний должно быть не меньше разнообразия возмущающих действий на входе (Ashby, 1958).

ленными на *прогнозирование будущего* *. И это говорит о том, что порядок организации живой системы не задается извне в готовом виде, а определяется *внутренними* событиями, протекающими в самой системе. Иначе говоря, каждый организм выстраивает свои отношения с окружением только через обращение к собственным возможностям.

Идея *само-отнесенности* живых систем стала ключевой в трансдисциплинарной системной теории, оформившейся в последней трети XX в. на пересечении точных, естественных и социально-гуманитарных наук. Эта теория, объединившая специалистов из разных отраслей познания, заинтригованных загадкой Жизни **, получила зонтичное наименование «кибернетика второго порядка».

Кибернетика второго порядка (КВП) определяет живые системы как *операционально замкнутые самореферентные системы* (Матурана, Варела, 2001). В отличие от классических представлений, открытость и закрытость таких систем рассматриваются как явления не противоположные, а совместимые ***. Самореферентные системы структурно сопряжены с окружением и испытывают на себе внешние воздействия, но результаты этих воздействий, их количественные и качественные характеристики полностью задаются самой системой (Рот, 2000). «Следует, — пишет создатель общей теории социальных систем Никлас Луман, — особо отметить наиболее важное следствие, с необходимостью вытекающее из самореферентного устройства системы. Оно заключается в отказе от возможностей одностороннего контроля» (Луман, 2007, с. 68).

Из сказанного можно сделать по меньшей мере два вывода, которые касаются живых систем любой категориальной принадлежности — и отдельных организмов, и ментальных систем, и сообществ. Во-первых, *система сохраняет себя во времени и органично развивается лишь тогда, когда располагает возможностью преобразовать внешнее воздействие в очередной виток собственной эволюции, присваивая в качестве полезного только то, что отвечает ее природе*. Во-вторых, система должна быть наделена внутренней возможностью не принимать и не включать в себя неприемлемые для нее нововведения, навязываемые извне. Если же система в силу тех или иных причин утрачивает такую возможность, то она либо лишается благоприятной перспективы своего развития, либо прекращает свое существование вовсе (Ивахненко, 2018).

Позволим себе предположить, что собственной возможностью системы, определяющей ее самосохранение и прогрессивное развитие, является выход за рамки нужного и необходимого, ее трансценденция. Согласно этой логике,

* У П.К. Анохина это формирование прогностической модели результата еще не реализованного действия (Анохин, 1975). У Н.А. Бернштейна — внутренний образ «потребного будущего», под влиянием которого оформляется задача и программируется ее действенное решение (Бернштейн, 1966).

** К наиболее выдающимся разработчикам КВП традиционно относят: физика и математика Х. фон Фёрстера, физика И.Р. Пригожина, нейробиологов У. Матурану и Ф. Варелу, математика и логика Дж. Спенсера-Брауна, социолога Н. Лумана, философа и социолога Э. Морена.

*** Второе начало термодинамики и закон нарастания энтропии распространяются только на закрытые системы.

разнообразие и избыточность можно отнести к тем фундаментальным истокам, которые определяют как самостановление Жизни, так и ее эволюцию. Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, обратимся к анализу адаптации и преадаптации — универсальных, взаимодополняющих и вместе с тем вечно конкурирующих друг с другом феноменов, заявляющих о себе и в биологии, и в антропологии, и в психологии, и в социологии, и в экономике.

О сущности адаптации и адаптивной эволюции

Термин «адаптация», который широко используется в разных областях как естественного, так и гуманитарного знания, означает приспособление (от лат. *adaptatio*) живой системы к определенной внешней среде. В эволюционной биологии адаптациями принято называть любые особенности живой системы, обеспечивающие ее специфический образ жизни в определенном окружении (см., напр.: Иорданский, 2001). В контексте психологии личности мы опираемся на интерпретацию адаптации, приведенную в концепции неадаптивной активности В.А. Петровского: адаптация человека состоит в соответствии его целей и достигаемых им в ходе деятельности результатов (Петровский, 2019). За адаптацией, как подчеркивает В.А. Петровский, всегда проступает «принцип сообразности» — подчинении поведения той или иной конечной цели. Обратим внимание на то, что при концептуальном осмыслении адаптации В.А. Петровский подчеркивает следующее: «...приспосабливает ли индивид себя к миру, или подчиняет мир исходным своим интересам — в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, *базис для которых уже сложился в прошлом*» (Петровский, 2013, с. 74; курсив наш. — А. А., Е. Ш., Е. И., А. Ч.).

Таким образом, хотя каждая из указанных выше наук вносит свой профессиональный оттенок в истолкование адаптации, смысловое ядро остается константным: *адаптация — это свойство живой системы, сложившееся под влиянием приобретенного опыта и обеспечивающее достижение устойчивости ее жизнеспособности в определенных условиях существования.*

Адаптивность часто расценивается как эквивалент стабильности (см., напр.: Эшби, 1962). Однако устойчивость вовсе не предполагает тождества; напротив — она обусловлена разнообразием форм одной и той же адаптации, но разнообразием, не выходящим за известные пределы. В качестве доказательства рассмотрим организм, т.е. базовую систему живого.

Адаптивные признаки организма, хотя и «закреплены» в геноме, далеко не скованы «жесткими» эталонами, поскольку один и тот же генотип реализует себя по-разному в разном окружении. Для характеристики пределов изменчивости генотипа в науках о жизни широко используется понятие «*норма реакции*». Согласно определению: «... (многообразие убрать) нормой реакции данного генотипа называется множество фенотипов, существование которых потенциально возможно, если данный генотип будет находиться во взаимодействии с определенными средами» (Равич-Щербо, Марютина, Григоренко, 1999, с. 63). Феномен, который характеризует «норма реакции», делает очевидным следующее: *геном*

*и среда — это сопряженные участники комплексного процесса развития, в котором их роли неразделимы**.

Представление о не разлагаемой на элементы целостности живых существ является основой эпигенетической теории индивидуального развития и эволюции в целом** (Уоддингтон, 1970; Шмальгаузен, 1982). Согласно концепции эпигенеза непосредственным предметом эволюции являются не сами гены, а целостные системы развития, значимые отклонения которых стабилизируются в качестве необратимых изменений. Действительно, ген «считывается» только тогда, когда есть необходимость в продукте этого гена, т.е. первичного белка. Но необходимость эту определяет организм! Поэтому влияния внешней среды начинаются с изменения фенотипа и распространяются в направлении генома, а не наоборот (Шишкин, 2006).

Системный эпигенетический подход плохо согласуется с задачей обособления роли генов в формировании целостной живой системы. И совершенно справедливо утверждает Е.А. Сергиенко, что «...принцип эпигенеза разрешает противоречие в дихотомии гены — среда, биологическое — социальное, врожденное — приобретенное». Объединенные в единое целое, «...эти силы составляют непрерывный континуум взаимодействий, изменяются только их “силовые” приложения в разные моменты жизни человека, в разные его способности» (Сергиенко, 2005, с. 55, 59). Такое положение дел наглядно отражает следующая метафора: «Для системных представлений об онтогенезе отношения развивающегося организма и его генома сравнимы с прочтыванием человеком одной и той же книги на разных этапах своей жизни. Информационная ценность книги зависит от “грамотности” считывающей системы, которую в данном случае представляет собой весь организм, преобразуемый в ходе развития» (Шишкин, 2006, с. 182). Более того, эпигенез, свидетельствует о биологической неопределенности, поскольку «...одни и те же механизмы... на разных стадиях жизненного цикла могут лежать в основе того и другого типа изменчивости» (Инге-Вечтомов, 2015, с. 283).

Говоря о разнообразии вариантов одной и той же адаптации, надо иметь в виду и следующее. Одно и то же адаптивное свойство по-разному проявляется у разных индивидов, поскольку дает выигрыш только тогда, когда согласуется с другими признаками единой целостности*** (Шмальгаузен, 1982). Прин-

* При этом надо иметь в виду, что гены имеют две разные функции. С одной стороны, они служат матрицами, которые могут надежно воспроизводиться из поколения в поколение. Матричная функция в основном закреплена за геномом, локализованным в половых клетках, и на него влияния среды, как правило, не распространяются. Напротив, геном, размещенный в телесных клетках, не передается потомкам, но находится под постоянным влиянием средовых факторов и путем эпигенетической регуляции уникально модифицируется в процессе каждого единичного онтогенеза (Kandel, 1998).

** Термин «эпигенетика» впервые ввел в употребление К.Х. Уоддингтон для обозначения внешне регулируемой реорганизации генома. В частности, один из механизмов эпигенеза связан с модификациями гистонов (ядерных белков, участвующих в упаковке ДНК), а другой — с цитоплазматическим управлением экспрессией генов (Эпигенетика, 2010).

*** К примеру, преимущество индивидов в скорости передвижения при удлинении их конечностей требует сопутствующего изменения системы кровообращения и т.п.

цип «адаптивного компромисса», сформулированный А.П. Расницыным (одним из крупнейших специалистов в области палеоэнтомологии и эволюционной биологии), гласит: оптимизация реальных систем возможна только как нахождение компромисса между порой противоречивыми требованиями оптимизации их различных параметров (Расницын, 1987). Поэтому адаптивность живого существа является не одномерной переменной, а многомерной системой согласованных (иногда негативно) отдельных свойств. Следовательно, *любая частная адаптация выступает как функция системы в целом и, произвольно вырванные из «контекстуального ансамбля» других индивидуальных особенностей, отдельные адаптивные признаки мало информативны.*

Индивидуальные значения любой адаптации представлены в популяции с разной частотой, но общий порядок подчиняется закону нормального распределения Гаусса. Согласно этому закону границы всего вариативного множества заданы противоположностями, всегда присутствующими в популяции, но у относительно небольшого числа особей. Большинство же индивидов являются носителями средних значений адаптивных признаков, и именно средние варианты приспособительных свойств характеризуют «адаптивный оптимум». Однако, как отмечает Юрий Алтухов — известный исследователь генетики популяций, — и оптимум включает не единственное значение, а определенный диапазон индивидуальных адаптаций, отклоняющихся от «строгой середины». Благодаря этому сообщество в целом сохраняет устойчивость не только при неизменных условиях среды, но и в некоторой области их естественных колебаний (Алтухов, 2003).

Таким образом, *при неизбежных изменениях окружающей среды живая система любого типа — от индивидуальной до социальной — сохраняет собственную устойчивость за счет вариативности своих составляющих.* Это справедливо и по отношению к социальным системам разных категорий, в том числе культуры и искусства (Иванченко, 1999).

До сих пор мы рассматривали адаптации как статичные явления, т.е. как уже достигнутые результаты развития. Однако часто адаптацией называют и сам процесс формирования этих продуктов эволюции. С этой точки зрения проблема адаптации живых систем к окружающей среде является по существу эволюционной проблемой. Говоря об объекте биологической эволюции (признак или система), еще раз акцентируем следующее. Сам по себе орган или отдельная функция не воспроизводятся: их воспроизводство возможно лишь постольку, поскольку воспроизводит себя система в целом.

Адаптивная эволюция (при всей разнице интерпретаций этого понятия^{*}) направляется *уже состоявшимися* событиями и является чередой последова-

* Самая известная теория эволюции — теория Чарльза Дарвина, которая рассматривает происхождение адаптаций как неизбежный итог естественного отбора, т.е. неслучайного воспроизведения наиболее приспособленных особей в условиях конкуренции. Согласно синтетической теории эволюции, объединяющей достижения классического эволюционизма и традиционной генетики, материалом для отбора служат мутации дискретных наследственных единиц (генов). Эпигенетическая теория непосредственным предметом эволюции считает не гены, а целостные организменные системы.

тельных эволюционных выборов, совершенных предковыми формами. Она характеризуется постепенным накоплением малых изменений, и чем сильнее преемственная связь, тем медленнее развитие. В этом кумулятивном процессе показатели адаптивного оптимума смещаются «шаг за шагом», и это сопровождается возникновением все *новых регуляторных контуров с отрицательными обратными связями*, поддерживающими гомеостаз, а значит, эволюционную консервативность фенотипов (Колчанов, 2003). Широкая норма реакции живых систем обеспечивает их обновление, но при сохранении общего направления движения. Такое развитие не может расцениваться как радикальное преобразование, скорее его можно уподобить «эффекту колеи», когда новые системы возникают не на месте старых, а рядом с ними, не нарушая уже заданного направления движения (Аузан, 2015).

Поскольку адаптивная эволюция направлена, главным образом, на прогрессирующую специализацию в рамках прежних адаптивных зон, основным риском развития исключительно в «режиме трендов» является формирование сверхспециализаций. Почему они разрушительны?

Со стороны экономики риск роста специализации связан с тем, что одновременно с сужением эксплуатационных ниш нарастает эффективность их использования. В результате объем затребованного ресурса сокращается. Но как только величина этого не возобновляемого фонда опускается ниже порогового значения, перемены неизбежны — ему либо находится подходящая альтернатива, либо система погибает. Второе вероятнее — сверхспециализация заведомо несет в себе черты регресса, показателями которого являются снижение разнообразия и узость адаптивных зон (Северцов, 1967). Однако в любом случае вытеснение менее специализированных форм все более узкопрофильными является показателем предкризиса (Раутиан, Жерихин, 1997), а при длительных и сильных кризисах узкоспециализированные популяции вообще не выживают (Крылов, Марков, Александров, 2020). Пагубна сверхспециализация и для общественных объединений любого типа. Эдгар Морен, один из создателей оригинальной теории организации, предупреждал на этот счет: «Фактически сверхспециализация, то есть специализация, которая замкнута на саму себя, не позволяет интегрировать себя в глобальную проблематику или создавать целостное концептуальное представление об объекте, который она рассматривает только в одном аспекте или в одной части» (2013, с. 263). Все это, как правило, ограничивает перспективы дальнейшего развития системы исключительно одним направлением и, в конечном счете, приводит ее сначала к стагнации, а затем к гибели.

Таким образом, можно утверждать, что *адаптация*, в каких бы феноменах биогенеза, социогенеза или персоногенеза она ни проявлялась, *всегда показывает ограниченные возможности системы*. Такая «зашоренность» присутствует, например, при редукции жизни личности к сценариям социального конформизма. Уязвимость ограниченных возможностей адаптации в полной мере дает о себе знать при радикальных и непредсказуемых изменениях условий существования, когда прошлый опыт не только может оказаться бесполезным, но и привести к деструктивным последствиям.

Преадаптация и радикальные эволюционные преобразования

Ограничения адаптивной эволюции «трендов» снимаются (в диалектическом смысле слова) в таких сложных системах, устройство которых характеризуется сочетанием закономерности и хаотичности* (см. подробнее: Ивахненко, 2020; Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2022). Но именно в неупорядоченной составляющей сложной системы зарезервированы «ростки» ее будущего коренного преобразования. Задачей, которая предопределила существование этого резерва как функционального органа радикальных эволюционных изменений, является онтологическая неопределенность (см. об этом: Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017). Предварительная готовность сложной живой системы к ответу на онтологическую неопределенность получила название преадаптации. Согласно одному из определений «... преадаптациями называют такие свойства организмов, которые потенциально имеют приспособительную ценность для еще не осуществленных форм взаимодействий организма и среды» (Иорданский, 2001, с. 126).

Что же является ресурсом преадаптации, а значит, условием решения задачи на онтологическую неопределенность?

В качестве инструментария преадаптаций выступает избыточное разнообразие форм, т. е. разнообразие, выходящее за границы адаптивной нормы. Такая избыточность не имеет очевидного преимущества в настоящем и существует «про запас»; ее возможности могут быть раскрыты только в будущем, когда принципиально новая реальность потребует новой адаптации (Любищев, 1982). Проще говоря, преадаптация, обладающая ресурсом в виде избыточности разнообразия, имеет бóльшую ценность не для того, что уже есть, а для того, чего нет и что пока даже не вообразимо.

Феномен избыточности универсален. Он выявлен на всех «этажах» жизнедеятельности — от энергетического потенциала и мышечной конструкции отдельных организмов (Аршавский, 1982; Латаш, 2020) до мегапластичной структуры мозга (Швырков, 1995; Анохин, 1997; Соколов, Незлина, 2003) и социальной среды человечества, требующей избыточного разнообразия индивидуальностей, без которого усложняющаяся жизнь была бы невозможна (Алексеев, 1984). В психологии эволюционный смысл изобилия форм неадаптивности детально анализировался В. А. Петровским, который отмечает следующее его преимущество при сопоставлении с адаптивностью: «Адаптивная мотивация активности — это мотивация дефицита; неадаптивная — избытка возможностей» (Петровский, 2013, с. 255).

По широте возможностей весь избыточный резерв можно разделить на две категории:

(1) специализированные неадаптивные формы, не востребованные в существующих условиях, но способные «проявить себя» при других, благоприятствующих тому обстоятельствах;

* Примером естественной сложной мегапластичной системы является мозг человека, оптимальное функционирование которого достигается сочетанием порядка и стохастичности (Евин, 2005).

(2) универсальные структуры, не скованные единственным предназначением, а наделенные неограниченной свободой преобразований; они потенциально готовы «по требованию» приобрести любую специализацию из широкого спектра возможных.

Чтобы прояснить суть предложенного разделения, сопоставим его с классификацией «стволовых» клеток* — *предшественников* всех специализированных структур организма. Стволовые клетки могут возобновлять свою численность, и это делает их популяцию неисчерпаемой, а значит, избыточной. Единицы данного резерва «ждут своего часа», когда из заготовок превращаются в специализированные структуры с характерным морфологическим и функциональным профилем. По масштабу этой способности клетки-предшественники делятся на две категории: *унипотентные* — способные дифференцироваться только в одном направлении; и *плюрипотентные* — готовые к обретению любой из множества различных специализаций (см., напр.: Гилберт, 1995). Проводя аналогию приведенной классификации клеток-предшественников с дифференциацией преадаптивного ресурса, мы хотим подчеркнуть следующее: *специализированная неадаптивная избыточность наделена узконаправленной потенцией, а скрытые возможности универсальной — не ограничены.*

В чем состоит эволюционный смысл выделенных типов избыточности?

1. Специализированный неадаптивный фонд. Проблема эволюционного значения неадаптивных, или «бесполезных» в настоящем, форм давно привлекает внимание известных биологов-эволюционистов. Трудность обоснования адаптивного смысла «бесполезных» свойств осознавал еще Ч. Дарвин, который, признавая их повсеместность, вместе с тем считал, что они «...не имеют жизненного значения и поэтому не вырабатываются естественным отбором», а значит, «...не подтверждают идею прогрессивного развития» (Дарвин, 1950, с. 217, 214). Но и в 1965 г. С.С. Четвериков — один из основателей эволюционной генетики — тоже писал: «Систематика знает тысячи примеров, где виды различаются не адаптивными, а безразличными (в биологическом смысле) признаками, и стараться подыскать им всем адаптивное значение является столь же мало производительной, как и неблагодарной работой ...» (цит. по: Волькенштейн, 2019, с. 109).

Однако уже в самом начале XX в. французский биолог Люсьен Кено высказал мысль, противоречащую идеалу прагматической рациональности: *эволюция поддерживает не только «очевидную полезность», а жизнь во всех ее проявлениях.* Именно при истолковании эволюционного значения неадаптивно-

* Название «стволовые» условно, поскольку область порождения этих клеток не ограничена стволовыми структурами, а находится в разных, но строго определенных областях организма, которые называются их клеточной нишей. «Стволовые» клетки размножаются путем митотического деления и таким образом производят собственные копии, что обеспечивает самоподдержание численности их популяции. Клетки-предшественники — это универсальный «строительный материал», который у взрослых организмов является одним из важнейших ресурсов пластичности, участвуя в нейрогенезе и расширении функциональных возможностей мозга в меняющихся условиях окружения (Сварник, Анохин, Александров, 2001).

сти Л. Кено вводит понятие «преадаптация», и тем самым делает решительный шаг в сторону критики исключительно адаптивной парадигмы эволюции. По его мнению, не что иное, как наличие вариантов, не укладывающихся в рамки уже существующей адаптивной нормы, стимулирует активность субъектов к поискам новой, соответствующей их особенностям среды. «Я назвал предварительно приспособленными... имеющиеся у вида бесполезные или полуполезные особенности, способные превращаться в явные приспособления при изменении образа жизни — *изменении, ставшем возможным лишь благодаря существованию этих предварительных приспособлений*» (Кено, 1914, с. 28; курсив наш. — А. А., Е. Ш., Е. И., А. Ч.). Далее Л. Кено поясняет: «... благодаря присутствию этих предварительных приспособлений данные виды могут покинуть привычные условия местообитания и перейти в новые, еще никем не занятые» (там же, с. 29). Таким образом, согласно Л. Кено, *эволюционный смысл преадаптаций (в виде качеств, присутствующих, но не востребованных в настоящем) состоит в том, что они «подталкивают» индивидов не пассивно следовать за средой, а самим активно искать ее новые формы. И именно этот целенаправленный поиск является источником прогрессивного развития живого.*

Наличие связи неадаптивных структур и развития, акцентированное Л. Кено, доказывается от противного: популяции простейших (например, некоторых бактерий) необычайно жизнеспособны в конкретной среде обитания, но практически не способны к развитию, поскольку в привычных условиях все особи, отклоняющиеся от бесконечно воспроизводимого образца, уничтожаются. Напротив, сообщества индивидов, толерантные к «неудобной инаковости», чутко реагируют на изменения окружения и развиваются (Кунин, 2014). Именно это эволюционное значение неадаптивности подчеркивает и А.Н. Кричевец: «...за неприспособленностью на самом деле должна скрываться латентная приспособленность к будущим условиям среды, что требует тонкого и заранее предвосхищающего эти условия регулирующего механизма» (Кричевец, 1998, с. 49).

Действительно, важнейшим механизмом, способствующим раскрытию потенциала неадаптивных форм, не нашедших достойного применения в настоящем, является собственная *исследовательская активность индивидов*, направленная на освобождение от прежних стереотипов и *свободный поиск* новых возможностей (Поддьяков, 2016). Однако едва ли не главной преградой для деятельного поиска условий самореализации является трудность осознания собственного предназначения, которое, по признанию одного из крупнейших мыслителей XX в. Мартина Бубера, всегда единственно и неповторимо. Вот, что он пишет: «... эта единственность и неповторимость как раз и есть то, что каждому поручено развить и привести в действие, ни в коем случае не повторяя деяний, которые уже осуществил другой, хотя бы и величайший» (Бубер, 1995, с. 14).

2. Универсальная избыточность. Несмотря на важное значение специализированных неадаптивных структур в освоении новых условий существования, *главный фонд инструментов преадаптации составляют универсальные структуры, способные специализироваться по различным направлениям.* Еще раз подчеркнем, что неспециализированность определяется не слабым профес-

сионализмом, а мультипотенциальностью системы и, следовательно, ее эволюционной пластичностью (Северцов, 1990).

Системы, способные вырваться за рамки узкой специализации, наделены огромной свободой потенциальных преобразований. Это позволяет им быть *заранее готовым к непрогнозируемым трансформациям*, поскольку невозможно заранее предугадать, какие виды специализаций окажутся в непредсказуемом будущем «правильными», а какие — «ошибочными».

Показательным примером важности универсальной избыточности является функция неупорядоченных и информационно нейтральных участков генома, присутствие которых невозможно объяснить в рамках адаптивных моделей эволюции (Lynch, Conery, 2003). Однако доказано, что значительная часть этих якобы «мусорных» отрезков ДНК не бесполезна, — их функция важна, но не отражает прошлое, а нацелена на будущее, поскольку они способны обеспечивать непредсказуемое преобразование генома при радикальных изменениях окружающей среды (Yong, 2012).

Экстраординарным проявлением эволюционной пластичности, т.е. пластичности, способной изменить направление развития вида в целом, является «взрывное» появление новых типов индивидов, отличающихся от своих предков во многих отношениях. Впервые на это обратил внимание выдающийся генетик Рихард Гольдшмидт, назвавший их «перспективными монстрами» (Goldschmidt, 1940). Он предположил, что источником столь радикального преобразования является особая категория мутаций, названных системными мутациями. Системная мутация представляет собой один или несколько мутационных актов, которые переводят работу всей генетической системы из одного режима в другой, что влияет сразу на многие стороны онтогенеза и создает новую видовую или родовую форму. И если в штатных условиях носители глубоких девиаций развития, как правило, не жизнеспособны, то при катастрофических изменениях среды шанс на выживание имеют те сообщества, в которых есть особи, максимально отклоняющиеся от предыдущей нормы*. Представление о системных мутациях — у Р. Гольдшмидта гипотетическое — в дальнейшем получило подтверждение. Было доказано, что предрасположенность генома к системной мутации определяется его лабильной организацией, которая в определенный период онтогенеза делает возможным моментальный скачок с системным эффектом при достаточной амплитуде даже одиночной мутации (Корочкин, 2002). Предполагается, что основную роль в подобных преобразованиях играют каскады положительных обратных связей, вовлеченных в регуляцию онтогенеза и далеко уводящих систему от исходного состояния (Колчанов, 2003).

Массированный эффект системных мутаций сравним с ароморфозами — эволюционными «взрывами», поднимающими жизнедеятельность целых видов

* Метафоры иногда способствуют пониманию, принятию и популяризации идей. В случае Р. Гольдшмидта все было наоборот. «Очень жаль, однако, что красочный и емкий термин «перспективные монстры» породил резко отрицательное отношение к основному тезису Гольдшмидта о том, что системным мутациям, оказывающим влияние на развитие, принадлежит центральное место в эволюции», — пишут в своей работе «Эмбрионы, гены, эволюция» американские эмбриогенетики Рэфф и Кауфман (цит. по: Голубовский, 2000).

на качественно иной уровень (Северцов, 1967). Общее приспособительное значение ароморфозов усиливается тем, что они *повышают независимость организмов от внешней среды*, что открывает новые возможности для ее освоения. Напрашивается аналогия между глубокими преобразованиями субъекта и «взрывом» установок посредством надситуативной активности, порождающим качественно новые формы деятельности личности или социальной группы (Асмолов, Петровский, 1978).

Пример генома демонстрирует *главное преимущество универсальной избыточности как инструмента преадаптаций*: в ней заложена возможность формирования неограниченного числа принципиально новых качеств. И это как раз то, что характеризует систему как генеративную, т.е. способную к непредсказуемым преобразованиям при радикальном изменении окружения (Zittrain, 2008). Поэтому универсальная избыточность и генеративность человеческого общества определили появление новых приспособлений к прежде не существовавшим и «рукотворным» цифровым экосистемам (Асмолов Г.А., Асмолов А.Г., 2019). Основой этого успеха стала возможность не сковывать прогноз каким-то однозначным порядком, а предварительно разрабатывать действующие модели со многими дополнительными развязками.

На основании сказанного выдвигается гипотеза об универсальной избыточности как преадаптивном ресурсе развития сложных систем, задействуемом при переходе от «подстройки к среде» — к «перестройке среды». Этому переходу сопутствует скачкообразный сдвиг от привычного режима «трендов» — к режиму «производства новаций» при встрече с непредсказуемым. Анализ феномена преадаптации как феномена «опережения непредсказуемых изменений» («ожидание неожиданного») позволяет выделить *преадаптациогенез как сквозное направление радикальных эволюционных преобразований, в ходе которых нарастают самодетерминация и субъектность историко-эволюционного процесса и в целом готовность во встрече с «черными лебедями»*.

Адаптация/преадаптация: конкурирующее единство

Историко-эволюционный подход к исследованию развивающихся систем любой категории акцентирует внимание на принципе *сосуществования двух противоборствующих тенденций* — тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем (Асмолов, 2012). Действительно, в биологической эволюции адаптивные процессы, направленные на сохранение устойчивости сложной системы, сочетаются с преадаптивными, нацеленными на ее эмерджентное обновление. Поэтому все аналогии биологической эволюции только с адаптацией, или только с преадаптацией односторонни и отражают лишь отдельные аспекты *многомерного эволюционного процесса*.

Идея эволюционного плюрализма, т.е. признание недостаточности исключительно адаптивной эволюции, восходит к классическим работам С. Дж. Гулда и Р.Ч. Левонтина (Gould, Lewontin, 1979). Однако загадочность сосуществования в сложной системе устойчивости, направленной на следование прошлому опыту,

и одновременно готовности к радикальным преобразованиям, продолжала волновать крупнейших специалистов разных отраслей знания. Вот как формулирует эту проблему Ю.П. Алтухов — основатель отечественной школы популяционной генетики: трудно представить, как могут процессы, определяющие максимальную стабилизацию вида как целостной популяционной системы, лежать одновременно в основе происхождения новых видов (Алтухов, 2003). Тот же вопрос акцентируется и классиком семиотической теории культуры Юрием Лотманом: каким образом система, оставаясь самой собой, может развиваться? (Лотман, 1992).

Учитывая, что адаптация направлена на поддержание порядка, за которым лежит прошлый опыт, а преадаптация ориентирована на непредсказуемость будущего, вопрос Ю.М. Лотмана можно перефразировать так: каким образом адаптация и преадаптация одновременно сосуществуют в настоящем, т. е. «здесь и сейчас»?

Частично это объясняется следующим. Естественный отбор многомерен, поскольку объединяет несколько относительно самостоятельных форм отбора: движущий, стабилизирующий, дизруптивный и балансирующий (рассеивающий) (Хедрик, 2003).

- Движущий отбор — отбор по признакам, обеспечивающим преимущество в конкурентной борьбе за существование.
- Стабилизирующий отбор — отбор, направленный на сохранение преимуществ целостных систем, способных сохранять себя в изменяющихся условиях.
- Дизруптивный отбор — отбор, благоприятствующий любым отклонениям от средней нормы.
- Балансирующий (рассеивающий) отбор — отбор, который поддерживает разнообразие как таковое.

Поскольку *разные виды отбора протекают в одно и то же время, но в соответствии с разными и часто противоречивыми критериями, оба вариативных множества — необходимое и избыточное, — связанных соответственно с адаптацией и преадаптацией, присутствуют одновременно.*

Хотя адаптивный и преадаптивный потенциалы системы сосуществуют, их сильные стороны проявляются поочередно в стабильные и нестабильные периоды жизни. Этот дискретный сдвиг подобен смене установок восприятия неоднозначных картин: при встрече с непредсказуемостью преадаптация превращается из «фона» в «фигуру», а адаптация и создаваемые на ее основе гомеостатические модели эволюции становятся «фоном». Это допущение соответствует теории прерывистого развития, разработанной Нильсом Эдриджем и Стивеном Гулдом (Eldredge, Gould, 1972), согласно которой большая часть радикальных эволюционных изменений происходит за небольшие промежутки времени по сравнению с более длительными периодами относительной эволюционной стабильности. Напомним, что ранее к сходной идее пришел А.Н. Северцов. Согласно предложенной им модели эволюции вслед за идиоадаптациями, означающими градуальное приспособление к сложившимся условиям среды, возникают ароморфозы — скачкообразные системные трансформации живых существ (Северцов, 1967), которые сравнимы с фазовыми переходами физической материи в качественно иное состояние (Волькенштейн, 2019).

Однако согласно общему эволюционному тренду: «...все узкие, сверхспециализированные дифференцировки, связанные с сугубо частными адаптациями и приспособлениями к очень ограниченной среде, неизбежно уступают место более общим, имеющим важное значение в самых разнообразных условиях среды. Этот процесс, т.е. замена частных приспособлений все более общими и совершенными, является одной из важных характеристик прогрессивного эволюционного развития» (Тимофеев-Ресовский, Воронцов, Яблоков, 1969, с. 268). Эти же идеи отражены в представлениях о прерывистом развитии Стивена Гулда (1986).

Но расширение жизненного пространства за счет конструирования новых экологических ниш не могло начинаться иначе, чем через радикальное преобразование отдельных особей, в том числе через трансформации индивидуальности человека в критических жизненных ситуациях. Но *индивидуация*, в том числе и коллективная, — это не финальная стадия развития, а *процесс*, причем *процесс принципиально незавершаемый* (Симондон, 2023).

Эта невыносимая незавершенность возможностей бытия (вместо заключения)

Когда авторы этой статьи в поисках эволюционных истоков самостановления индивидуальности Человека испытывали соблазн углубиться в раскопки отличий представлений о принципе «индивидуации» в концепциях Карла Юнга и Жильбера Симондона, они вспомнили, что ничто не ново под луной. Проблема *principium individuationis* — (принципа индивидуации) была ключевой еще у Фомы Аквинского. Именно ему принадлежит мысль о том, что индивидуация осуществляется через материю, а индивидуальность — это форма, воплощенная в конкретной материи (*materia signata*). Вникнув в это, мы выдохнули и еще раз вспомнили символическое название романа Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия».

На невыносимую незавершаемость возможностей бытия прозорливо указывали не только мастера теологии и философии, но и писатели, поэты, физики, биологи, социологи и, конечно, психологи. Они, каждый по-своему, в своей системе координат, отмечали, что сила жизни плыть против течения (еще раз обратим внимание на эпиграф к нашей статье, взятый из трактата Гилберта Честертона «Вечный человек») роднит между собой два загадочных феномена — феномен Жизни и феномен Человека.

Напомним в связи с этим прозрения двух поэтов, трагично ушедших из жизни, — Осипа Мандельштама и Николая Гумилёва, — которые немало стихотворений посвятили тайнам эволюции жизни.

Наше обращение к языку метафор и мифопоэтическому мышлению при обсуждении закономерностей самостановления жизни не случайно. Как отмечает Татьяна Черниговская в своем исследовании путей конвергенции между науками о жизни и науками о порождении смыслов, именно язык метафор позволяет преодолеть часто действующие в естествознании линейные схемы анализа многомерной реальности и опрощения жизни (Черниговская, 2022).

Вот строки известного стихотворения Осипа Мандельштама «Ламарк» — своего рода гимна самостоянию жизни.

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну, конечно, пламенный Ламарк.
Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень... (Курсив авторов)

Сходный мотив слышен и в известном стихотворении Николая Гумилёва «Шестое чувство».

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем.
Так некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилия
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья... * (курсив авторов)

Вряд ли можно заподозрить Николая Гумилёва, хоть он и любил Францию, особенно Париж, в том, что он почитывал исследования по преадаптации Люсьена Кено. И уж точно по известным временным обстоятельствам Мандельштам и Гумилёв не могли знать гипотезы об «обнадеживающих монстрах», сформулированной лишь в 1940 г. замечательным эволюционистом Рихардом Гольдшмитом, согласно которой *рожденный ползать*, — при определенных обстоятельствах *летать сможет*.

Сходные мысли звучат и в философии нестабильности лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина, доказавшего в своих многочисленных исследованиях о самоорганизации и порождении порядка из хаоса, что в ситуациях бифуркации и слабый сигнал имеет шанс изменить кажущуюся незыблемой траекторию эволюции «ее величества Системы».

Силу возможности действовать против потока не только на словах, а и на деле, в том числе ценой своей жизни, не раз доказывали в истории культуры и науки творцы, меняющие картину мира. Упомянем в числе этих героев прежде всего имена мыслителей, отстаивающих закономерности разнообразия жизни и свободы выбора: Николая Вавилова, Эрвина Бауэра, Януша Корчака, Виктора Франкла и Бруно Беттельгейма. Их судьбы с беспредельной жестокостью подтверждают

* Об опередившей свое время интуиции Осипа Мандельштама и Николая Гумилёва свидетельствуют также многочисленные факты, приведенные в недавно увидевшей свет монографии Майкла Томаселло — известного эволюционного антрополога, исследователя истоков интенциональной активности разных биологических видов (Tomasello, 2022).

эволюционный смысл неоднократно отстаиваемой одним из авторов этой статьи универсальной закономерности жизни: преадаптации индивидуальности есть та цена, которую индивидуальность платит за эволюцию вида, расширение репертуара «необщих» (Карл Юнг) стратегий жизни и незавершенность возможностей бытия (Асмолов, 1990).

Эволюция живого, магистральным направлением которой является наращивание возможностей усложняющейся жизни, помогает постичь и глубину нравственного императива Альберта Швейцера «Благоговение перед Жизнью», который акцентирует внимание на ценности как уже осуществленных форм разнообразия, так и ростков еще только возможных и незавершаемых вариантов развития. И этот нравственный императив является не чем иным, как великим этическим законом, утверждающим бесценность любых форм разнообразия жизни — как тех, которые уже существуют, так и тех, которые приоткрывают потенциальные пути становления Жизни в нашем прекрасном и яростном мире.